

Беспокойной и содержательной была жизнь Армена Гулакяна, отдавшего армянскому советскому театру всю творческую энергию, большой талант организатора. Он был человеком сильной воли, трезвого ума, твердого характера и слабого здоровья. В театр он пришел задорным юношей, отдал театру всего себя без остатка и ушел из него прославленным режиссером, творчество которого прочно вошло в историю армянской театральной культуры.

Путь Армена Карповича Гулакяна к режиссуре проходил через школьные представления нерисановцев в Тифлисе, драматическую секцию дома Зубалова, студию Ови Севумяна, народный театр Амо Харазяна, первый армянский советский театральный коллектив им С. Шаумяна, руководимый режиссерами С. Капанакяном и Л. Калантаром, Армянскую драматическую студию в Москве.

Театральная Москва 20-х годов поразила молодого Гулакяна бурной творческой жизнью, нестротой новейших течений в театре, неожиданными открытиями и гениальными постановками.

Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова. Серьезно изучая театральное ремесло, А. Гулакян именно в Москве заражается экспериментаторским духом, определившим весь начальный период его режиссерской деятельности в армянском театре. В Тбилиси или в Диликане, куда Гулакян вынужден был переехать по болезни, молодой выпускник Армянской московской драматической студии организует спектакли, экспериментирует, пытается сломать традиционные формы театра, добивается публичностного звучания театрального представления в духе времени.

Первой яркой вспышкой режиссерского темперамента Гулакяна стала постановка пьесы «Хатабала» в театре имени Г. Сундукяна в 1927 году. Это был красочный спектакль, решенный в стилистике вахтанговской «Принцессы Турандот». Неиссякаемая фантазия режиссера бурлила в «Хатабале» с особой силой, заставляла зрителя воспринимать события пьесы обостренно, масштабно, укрупненно и художественно обобщенно.

В начале 30-х годов Армен Гулакян становится одним из самых беспокойных и, пожалуй, противоречивых режиссеров армянского театра. Он ставит «Пэпо» Сундукяна и «Макбет» Шекспира, ломая композицию пьес классиков, обостряя и даже меняя социальную характеристику произведений и одновременно он же ставит «На дне» Горького, «Женитьбу Фигаро» Бомарше и «Грозу» Островского в полном согласии с концепциями авторов пьес. В эти же годы, как и во все последующие, Гулакян активно и заинтересованно работает над произведениями советской драматургии, ставит пьесы «Инга», «Ярость», «Темп», «Срыв», «Платон Кречет», «В кольце», «Нефть», «Фосфорическое сияние», «Наполеон Коркотян».

Если в ранних работах Гулакяна сценический образ становился лишь поводом для создания образной и броской мизансцены, то теперь режиссер стремился все подчинить главной задаче — правдивому и многогранному показу образа человека. Если в прежних постановках театральная условность выплывала, то теперь ни образные мизансцены-символы, ни условная манера игры, ни яркое и красочное оформление не были самоцелью, подчинялись идейному замыслу постановки. Любовый и поверхностный характеристике персонажей прежних постановок теперь противопоставлялось углубленное осмысление психологии сценического образа. Правда, спектакли Гулакяна лишаются былой эффективности и зрелищности, но они обретают теперь психологическую глубину и достоверность.

Армен Гулакян

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Такая принципиальная перемена в творчестве режиссера происходила не гладко. В режиссерской биографии Гулакяна были ошибки, промахи, без которых, вероятно, не бывает серьезных творческих поисков. Так, поставленная Гулакяном в 1934 году пьеса Демирчяна «Наполеон Коркотян» вызвала бурные споры. Критика отрицала спектакль, хотя он пользовался огромным успехом у зрителя. Здесь не место говорить о развернувшейся вокруг «Наполеона Коркотяна» полемике, только следует отметить, что это был зрелищный спектакль, веселый, шумный, может быть, немного грубый, но действительно театральный и режиссерски остро выраженный. «Наполеон Коркотян» — последняя вспышка режиссерского озорства Армена Гулакяна, который после этого спектакля становится более ровным, если можно так выразиться, умиротворенным, но и более глубоким и мудрым. Об этом свидетельствуют такие его работы, как «Отелло», особенно «Маскарад» и «Живой труп» в театре им. Г. Сундукяна, «Отелло», «Гугеноты», «Аида», «Аршак Второй» и «Ануш» в оперном театре.

В постановках оперного театра, для которого много сделал Армен Гулакян, как и в лучших работах драматического театра, режиссеру оказались под силу решения самых сложных творческих задач. Лучшим доказательством является постановка оперы «Ануш», к которой Гулакян обращался четырежды, как, впрочем, он четырежды ставил в драматическом театре «Пэпо» Сундукяна. Если в первых постановках «Ануш» режиссер, не нарушая поэтической ткани поэмы, обогащал ее бытовыми подробностями, шел по пути «романизации» поэмы, ее прозаического заземления, то в

последних постановках он добивался стилистики подлинно трагедийного жанра. Вот почему традиционная бытовая сцена хождения девушек и роднику превращалась на сцене в скорбное шествие, а рассказ Ануш об иве («Ива — говорят — девушкой была») в трагический монолог, вот почему сцена праздника и гадания, всегда исполняемая на фоне идиллического пейзажа, теперь переносится на развалины древнего храма и звучит истинно трагедийно.

Режиссерская деятельность Гулакяна тесно сочеталась с общественной и педагогической. Он был неумолимым строителем театрального дела, вдумчивым воспитателем молодых актеров, очень строгим руководителем театрального коллектива. Когда в театр входил Армен Гулакян, все знали об этом и как-то по-особенному подтягивались. Он не прощал расхлябанности, жестко насаждал в творческом коллективе дисциплину. Эти качества, как показывает жизнь наших театров, весьма необходимы для режиссера, особенно главного режиссера театра. Может быть, несколько неуживчивым и даже резким казался Армен Гулакян, но он умел руководить сложным организмом театра, у него был незаурядный талант организатора, природный дар воспитателя. Армена Гулакяна либо принимали, либо отвергали, но всегда его позиция была ясна и никакой недоговоренности в его творчестве, как и в деятельности, не бывало.

Отсутствие Армена Гулакяна, которому было бы сейчас 70, чувствуется в нашем театре, уже потерявшем многих своих видных режиссеров. Еще и поэтому нам всем надо помнить и ценить творчество и личность Армена Гулакяна.

Сабир РИЗАЕВ

«НОМЕР ОЛЕСЬ»

г. Ереван

18 ФЕВ 1970